

Большинство людей, мягко говоря, не жалуют избалованных девиц, и это вполне объяснимо.

В глазах окружающих такие особы чаще всего предстают вздорными, упрямыми, насмешливыми и высокомерными, свысока поглядывающими на простых смертных. И, кажется, такова сама жизнь. Разумеется, бывают исключения — многие девушки из благородных семей вовсе не таковы.

Но, к несчастью, Наньгун Ли именно такая.

Впрочем, так было не всегда. Помнится, до восьми лет она была довольно милым ребенком.

Всем этим она обязана Су Чаофэну — когда-то они были добрыми друзьями, и только Су Чаофэн виноват в том, что своей бессердечностью превратил ее в ту, кем она стала сейчас.

А хочет ли она что-то изменить? Увы, ничуть.

— Генерал, такие люди, как вы, вызывают неприязнь в любом месте, куда бы ни попали. Просто город Лянчжоу предоставил вам особую возможность проявить себя.

— Ваше Высочество, взять вас в жены — это приказ, данный мне Ее Величеством.

Человек, привыкший к мечу и доспехам, стоял неподвижно, а его лицо казалось холоднее железа.

Узнав, что любимая младшая принцесса императора Великой И выходит замуж, наместник Лянчжоу устроил встречу высочайшего уровня: за воротами города тянулась тридцатимильная вереница красных знамен, уходящая прямо к зданию администрации.

Однако принцесса даже не взглянула на торжество — ее паланкин свернул прямым к резиденции генерала.

— Ты погубил Лисюэ, я скорее умру, чем выйду за тебя!

Юная принцесса Наньгун Ли с треском разорвала брачный договор и, взмахнув рукой, швырнула алые листы прямо в лицо прославленному полководцу.

— Су Чаофэн, я ненавижу тебя! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Четырнадцать лет назад император И издал указ о помолвке своей единственной любимой дочери с Су Чаофэном.

Семья Су держала в руках триста тысяч воинов армии Динбэй — с таким происхождением этот брак нельзя было назвать унижительным для золотого феникса.

Десять лет назад старый маркиз Су погиб на Заставе Юймэнь. Беда не приходит одна: той же ночью в поминальном зале вспыхнул пожар, и младшая дочь семьи Су, Су Лисюэ, сгорела вместе с гробом отца.

Весь этот кошмар видел лишь ее родной брат Су Чаофэн.

Эта трагедия долго не сходила с уст жителей Лянчжоу. В конце концов поползли слухи, что пожар устроил сам Су Чаофэн — мол, это был хитрый маневр, чтобы ценой жизни никчемной сестры вызвать сочувствие императора и избежать ответственности за военное поражение.

С тех пор она возненавидела молодого генерала всей душой.

Отец погиб, брат и сестра вместе несли траур. Он остался жив, а Лисюэ погибла — как это понимать? Если он не смог защитить даже собственную сестру, зачем вообще выходить за него замуж?!

Однако порой реальность оказывается причудливее любой пьесы.

На самом деле, та, кто остался в живых, была именно Су Лисюэ.

Десять лет назад, когда Су Чаофэн вернулся с поля боя, он был почти слеп, лишился зубов, а его тело разъедал неизвестный яд — кожа слезала слоями, обнажая мясо, а мясо отделялось от костей. Он был на грани, но жизнь все еще теплилась в нем, принося невыносимые муки день и ночь.

Он умолял родную сестру убить его.

Вспыхнувшее пламя исполнило последний долг верности и сыновней почтительности того мальчишки, который когда-то любил шумные игры, но в сердце юной Су Лисюэ остался шрам, который никогда не затянется.

С тех пор другого пути у них не было.

Старики в Лянчжоу говорят, что иметь двойняшек — великое счастье.

Жаль только, что у этой пары из семьи Су на двоих была лишь одна жизнь.

Тот, в кого швырнули бумагу, медленно наклонился и поднял свиток:

— Докладываю Вашему Высочеству: согласно законам нашей династии, расторжение помолвки может инициировать только мужчина. Даже если вы принцесса, я имею право не согласиться.

— Так согласись!

— Я не согласен.

Наньгун Ли молниеносно выхватила Меч Чистого Ветра и, ловко повернув запястье, приставила лезвие к горлу собеседника.

Императорский меч Шанфан даровал право казнить на месте, не дожидаясь доклада.

— Ваше Высочество, этот меч — реликвия покойного императора. Он предназначен для увещевания правителей и казни предателей. В такой радостный день зачем вы его вытащили?

— А разве ты не предатель?!

— ...

Мужчина закрыл глаза и не шелохнулся.

— Генерал, сейчас мирное время, счастливых дней не счесть, неужели вы хотите умереть в расцвете лет? Говорите, как расторгнуть этот брак?

Принцесса была юна и выглядела хрупкой, но обладала твердым характером. Особенно когда дело касалось ненависти — она была готова пойти на все, даже на верную гибель.

Она была словно снежинка, упавшая ранней осенью в пустыне Гоби: таяла от малейшего прикосновения, но при этом источала смертоносный холодный аромат.

Генерал сделал жест, приказывая всем оставаться на местах, а затем наручем осторожно отвел острие меча:

— Тогда прошу Ваше Высочество выплатить жалованье армии Динбэй за пять лет, которое задолжала казна.

— Сколько?

— Пять тысяч лянов.

— Всего пять тысяч? Я выплачу их из личных средств.

— Ваше Высочество щедры, — человек в черном издал короткий смешок. — Но я имел в виду золото.

— Золото?!

Принцесса едва не лишилась дара речи.

— Су Чаофэн, не будь слишком наглым! Откуда у армии Динбэй такие суммы?

— Мне нужно именно столько.

Взгляд человека, привыкшего вершить судьбы, был холодным и непреклонным. Он смотрел на нее, не отступая ни на шаг. Казалось, он уже просчитал ее наперед.

— Хорошо! Тогда я убью тебя и сэкономлю средства для народа Великой И! — Наньгун Ли была вне себя от ярости.

Су Лисюэ при этих словах замерла, а затем снова усмехнулась.

Мастерство командующего армией Динбэй было непревзойденным в Поднебесной. Если дело дойдет до драки, десять таких принцесс не справятся с ним.

Ей семнадцать, а тело такое слабое, что тонкие запястья сломаются от малейшего нажатия, и она еще смеет говорить об убийстве?

— Ваше Высочество, если бы моя покойная сестра не баловала вас, не желая, чтобы вы знали горе, возможно, сегодня у вас был бы шанс подобраться ко мне. Видимо, из девушек все же не

выходит великих воинов.

Личико принцессы мгновенно помрачнело:

— Су Чаофэн! Попробуй еще раз сказать покойная сестра!

Су Лисюэ пристально посмотрела в эти темные глаза:

— Ваше Высочество, моя сестра — мертва. Она не стоит ваших переживаний.

Хлесть!

Принцесса размахнулась изо всех сил. Пощечина вышла громкой.

— Су Чаофэн! Да как на свете может существовать такой брат, как ты?! — кричала она, сглатывая кровь.

Чаофэн и Лисюэ — одни эти имена звучали как неразрывные узы. Братская любовь, вечная преданность. Но ее больше нет.

Миры живых и мертвых разделились, и никому нет дела до ее памяти.

— Пять тысяч лянов золотом так пять тысяч! Я хоть все разломаю и продам, но соберу их для тебя. Но смотри у меня, генерал, не дай мне найти на тебя управу, иначе за смерть сестры Лисюэ ты ответишь своей головой! А теперь — прочь с дороги!

Принцесса, надув губы, с разбегу толкнула его и, взмахнув рукавами, гордо удалилась.

— Принцесса ушла в Западный двор, — военный врач Юэ Ниншуан смотрела вслед удаляющейся маленькой, но упрямой фигурке и тяжело вздохнула.

В резиденции генерала был отдельный павильон для принцессы, но Западный двор был тем самым местом, где десять лет назад жила Су Лисюэ.

— Пусть идет, — человек в снегу слегка размял плечо, в которое его толкнули. — Моя мать каждый день приказывает там убираться. За десять лет ни разу не прекращали, там чисто, вполне можно жить.

— Шипишь? Рана открылась? — Юэ Ниншуан схватила ее за запястье, заметив красное пятно на рукаве.

Как военный врач армии Динбэй, она была единственной, кто знал истинную личность Су Лисюэ.

— Она тебя сильно толкнула, почему не увернулась?

— Пыталась, да не вышло... Эта девчонка так внезапно налетела, даже мастеру вроде меня не успеть... Кхе, кхе-кхе-кхе...

Вернувшись в Восточный двор, та, что держалась с таким достоинством, мгновенно утратила самообладание и медленно, очень медленно осела на спинку кресла.

— Ты все еще думаешь, что она тот десятилетний ребенок, который может прыгать на тебя как хочет? Эй, хватит! Нельзя так кашлять, все швы, что я наложила, разойдутся!

Юэ Ниншуан, перебинтовывая Су Лисюэ, продолжала ворчать, поглаживая ее по спине.

Полгода назад армия Динбэй дала несколько тяжелых боев тибетским демоническим войскам у реки Иньма.

Для воина получить ранение — обычное дело, но в этом году холодные ветры из пустыни Гоби пришли раньше срока, за одну ночь выстудив весь Лянчжоу, что спровоцировало у Су Лисюэ застарелую болезнь легких.

Едва дождавшись окончания боев и надеясь хоть немного перевести дух, она получила известие о прибытии Наньгун Ли.

Как подданная, она не могла допустить промедления во встрече принцессы.

— Эта девчонка сама поздно отправила весть, это не твоя вина. Ты же знаешь, она с детства непредсказуема, а когда капризничает — нет ей удержу. Пять дней пути пролетела за три, словно к смерти торопилась!

— И правда. Думал, повзрослеет — станет спокойнее. А она все такая же упрямца.

Под черной одеждой бледные губы едва заметно дрогнули в улыбке.

Десять лет пролетели как сон. Тот плаксивый ребенок вырос в прекрасную девушку с характером острее любого клинка.

— Десять лет не виделись, соскучилась?

— Нет.

Острый взгляд мгновенно погас.

— Лисюэ, она пришла в резиденцию в три года, ты баловала ее четыре или пять лет, чуть не вырастила из нее маленького демона, дошло даже до поджога леса — этого мало? — Юэ Ниншуан тихо вздохнула.

— Ниншуан, больше не будем об этом.

Та, что не могла разогнуться от кашля, потянулась к фляге с вином и осушила ее одним глотком.

— Опять ты за свое!

Тот пожар в горах Лунцюань до сих пор вызывает дрожь у всех жителей Лянчжоу.

В ту весну цветение персиков было особенно пышным, лепестки кружились в небе, и маленькая девочка была так счастлива, что кружила по лесу до самой темноты. А потом, решив устроить фейерверк, случайно подожгла десятимильный персиковый сад и едва не сгорела сама.

После того как ее спасли, Су Чаофэн ругал ее три месяца подряд — с опадания персиков до цветения лотосов, пока девочка не выплакала все слезы, и даже госпожа Су не могла ее остановить.

А Су Лисюэ тогда заперлась в своей комнате и не проронила ни слова в ее защиту.

Маленькая принцесса, не привыкшая к таким обидам, тут же уехала в Город Сюаньхоу.

С тех пор прошло десять лет.

Только Юэ Ниншуан знала, какой вред нанес огонь легким Су Лисюэ, когда та спасала Наньгун Ли. Десять лет она жила с этой болью, разрушающей тело и душу.

Если бы не невыносимые страдания, она бы никогда не прибегла к вину, чтобы притупить боль.

Но разве вино — лекарство? Это все равно что пить яд в надежде утолить жажду.

— Ты спасла ей жизнь, но скрываешь это. Девчонка теперь ненавидит тебя до мозга костей и жаждет твоей смерти. Живя под одной крышей, если раскроется правда, что ты будешь делать? Убьешь ее?

По законам Великой И женщинам запрещено служить в армии. Командующий армией Динбэй, охраняющий северные рубежи, — это важный государственный чиновник, находящийся под пристальным надзором цензоров. Если правда вскроется, это будет расценено как обман императора.

— В этом нет нужды.

Человек в черном поднял руку и поправил сбившийся воротник.

— Раз она хочет моей смерти, значит, не узнала меня. А значит — я в безопасности.

— Ты просто не можешь быть с ней жесткой! Совсем потеряла бдительность. Так долго не протянешь.

— Ха! Это всего лишь золотая птичка, у которой еще перья не отросли, неужели я с ней не справлюсь? — человек в черном холодно усмехнулся.

— Она сама хочет расторгнуть помолвку, почему бы тебе не согласиться? Зачем искать приключений?

— Ниншуан, ты не понимаешь. Этот брак нельзя расторгать.

Глаза, излучавшие пронзительный свет, опустились, в них не осталось ни тени насмешки.

— Великая И долго жила в мире, и те люди при дворе забыли, что значит быть готовым к опасности. Последние годы они только и делают, что подговаривают Его Величество сокращать военные расходы и подавлять военачальников. Армию на юге уже почти распустили, старый генерал Го так разволновался, что его хватил удар. Мой брак с ней — единственная надежная преграда для армии Динбэй. Мы не можем отступить.

— И что теперь? Тянуть время? Ты ведь портишь ей жизнь! Лисюэ, она ведь такая чувствительная. Ты видела, как она плакала у твоей поминальной таблички? Кроме твоей матери, кто еще так оплакивал тебя?

Сегодня, едва придя в резиденцию, Наньгун Ли побежала в храм предков и, прижав к груди деревянную табличку с именем Лисюэ, разрыдалась так, что слезы градом катились по ее милому лицу.

— Брось, она с детства любила поплакать, ты же знаешь! Так рыдала, будто я снова умерла!

Су Лисюэ начинала болеть голова при мысли об этой сцене.

С того самого первого приезда в три года Наньгун Ли поразила всех в резиденции — маленькая красавица, выросшая в роскоши, казалось, была сделана из воды. Каждый день, просыпаясь, она первым делом искала Лисюэ. Если не находила — начинала реветь так, что, казалось, затопит всю резиденцию.

Даже императрица удивлялась, почему она так привязалась именно к младшей дочери семьи Су? Малышка лишь хлопала глазами и не могла объяснить, только бормотала, что от нее вкусно пахнет.

В семье Су все занимались боевыми искусствами, вечно были в грязи и поте, и никто не понимал, что в этом может быть приятного.

Су Лисюэ подняла взгляд и многозначительно посмотрела на собеседницу:

— Ниншуан, как думаешь, может ли человек обманывать другого всю жизнь?

— Хм, другие — не знаю, но ты обязана, — врач закатила глаза. — Я не хочу нести ответственность за соучастие.

— А если я однажды внезапно умру, и на нее падет тень вдовы, это ведь тоже не очень хорошо?

— Ну... это все же лучше, чем обман императора, за который полагается казнь через расчленение.

— Тоже верно, — человек в кресле приподнял бровь. — Тогда пусть ждет, пока я умру.

— Тьфу, можешь отправиться на тот свет прямо сейчас, — Юэ Ниншуан сердито толкнула ее.

— Я серьезно, — сказала та. — От помолвки до свадьбы еще год. Через год я дам ей свободу.

— Год?

Взгляд Юэ Ниншуан изменился, глаза, подобные инею, внезапно застыли:

— Лисюэ, что ты узнала?

<http://bllate.org/book/20009/1974206>